

О ПЕРСПЕКТИВАХ СЛАВЯНСТВА И СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
(РАЗДУМЬЯ НЕ БЕЗ ТРЕВОГИ)

Всем нам, филологам, работникам науки и образования, легче было бы жить, считая, что проблемы политики, а тем более геополитики, находятся вне нашей компетенции, да и вне наших основных интересов. Но что делать, если как раз геополитика непосредственно влияет на предмет этих самых интересов – причем так, что в вопросе, который мы вынесли на обсуждение, открывается все больше острых углов? Оставаться безразличными, пожалуй, нельзя. Точнее, невозможно. Поэтому и осмеливается ваш слуга покорный изложить некоторые свои рефлексии по данному поводу.

И вот первое, что требует серьезного внимания: как ни странно, а мы уже перестали адекватно реагировать на то, что должно бы называться «расславяниванием» или «деславянизацией». Причем это проявляется в самом внутреннем состоянии и самосознании нашем как славян (См. например: [1 – 17]).

Что же касается внешних факторов, то их очень ёмко и метко обозначил доктор Сречко Джукич, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия в Республике Беларусь: «Мир, в котором мы сегодня живем, напоминает известное из Библии Вавилонское столпотворение. После всемирного потопа люди пытаются возвести Вавилонскую башню высотой до небес. Дерзость Господь наказывает, и строительство приносит несчастье. Строители говорят на разных языках. И это еще не самое страшное: они совершенно не понимают друг друга, практически лишены общего языка. Но и это еще не все. Результатом деятельности возгордившихся жителей Вавилона, строителей глобального мира, стали беспорядок, неразбериха, суматоха, суэта, эгоизм, неуважение друг к другу, допустимость любых средств, оправдывающих цель. И все это как бумеранг к ним возвращается в становящемся все уже и уже, взаимозависимом мире» [18, с. 125].

Вряд ли кто сможет убедительно доказать, что глобальные геополитические процессы развиваются на основе предвидимых и предсказуемых закономерностей. Опыт даже одного нашего поколения убедительно показывает, что очень многое из некогда предполагавшегося в итоге реализации оказывалось иным, причем конкретные результаты и современники, и потомки оценивают более всего по казусам-неожиданностям да коллизиям, которые объясняются, как правило, просчетами идеологов, теоретиков. Такова, подчеркнем, парадоксальность не только истории, но и ее восприятия нами.

Понятно, обобщать – значит упрощать. Это рискованно всегда, а по отношению к столь сложной сфере особенно. Поэтому стоит уточнить: в данном случае, без особых претензий на обобщения, мы имеем в виду прежде всего якобы очевидный «сумрак» и даже полный «закат» славянства.

Его, конечно же, интересно соотнести со значительно ранее замеченным, а к тому же не менее значимым для мировой истории и геополитики, «сумраком» и «закатом» Европы. Эти явления только на первый взгляд несопоставимы – опять же вследствие того, что противопоставляются в геополитической актуализации и воспринимаются с соответствующими абберациями, посредством стереотипов, которые закрепились, подчинив себе наше сознание.

А ведя речь о славянстве, следовало бы с должным вниманием отнестись к тому, что историческая судьба его – феномен поразительный и провиденциально-поучительный в разных отношениях. Ведь не случайно же славяне более тысячелетия назад получили возможность сложиться и утвердиться как особый (супер)этнос, как отдельный народ Божий (через свою – самую совершенную в мире! – азбуку, свой – получивший статус равносвещенного! – язык, свою письменность, интенсивно и плодотворно развивавшуюся словесность, духовную и материальную культуру...).

Вряд ли случайностью можно считать и то, что, несмотря на все возникавшие впоследствии разделения, неистребимой оказывалась память о родстве, что идея славянской общности и единства была полицентричной. Не стоит забывать, что именно ею стимулировались процессы национального возрождения славян западных и южных. Равно как и то, что неоднократно славяне проявляли способность консолидироваться при внешних угрозах и убедительно демонстрировали силу своей общности в противостоянии завоевателям. Историческую целесообразность, безусловно, имело – хотя и по-разному с нынешних позиций оценивается – создание в XX веке таких объединяющих славян государств, как Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия), да и СССР. Симптоматично, пожалуй, и то, что все без исключения славянские народы оказались на определенный период в одном "лагере"... При всем этом, увы, немного в мире генетически близких народов, которые бы противоборствовали между собой так, как славяне.

Как ни больно это констатировать, но и в Республике Беларусь массовое сознание не безрезультатно заражали антирусскостью, антиславянскостью.

Представление об этом могут дать и такие вот примеры, достаточно распространенные в нашей печати: «...Из сундуков московской истории вытягивается идея, примитивная, как большинство ее

носителей, – славянофильство, этот фашизм в лаптях <...> Славяне, которые всегда находились на окраине европейской цивилизации и не получили культурного импульса Рима, являются самой отсталой из крупнейших этнических общностей континента...»; «И сегодня для реваншистских тоталитарных сил, которые мечтают о реставрации Советской империи, Беларусь – лакомый кусок. Без нее, как и без Украины, нет великой России, нет настоящей империи. Отсюда и реанимация эксплуатировавшейся царизмом устаревшей славянской идеи (*Авторское примечание*: Она, как и аналогичные пангерманская, пантюркистская, панамериканская идеи, неадекватные цивилизованному обществу, давно сданы в архив истории), активизация политизированного пророссийского православия и коммунофашизма)». И если уточнить, что первая цитата – из материала, безо всяких комментариев, а тем более возражений, публиковавшегося в еженедельнике творческой интеллигенции Беларуси, а вторая – из энциклопедического издания (См.: [24; 25, с. 43]), то очевидным должен быть масштаб специфической зараженности.

Выяснение всех предпосылок межславянских споров и раздоров в разные времена является делом невероятно сложным и тоже спорным, по определению. Вместе с тем бесспорно, что важная и определяющая причина – раскол Христианства, в результате которого на протяжении многих веков существуют «*Pax Slavia Orthodoxa*» и «*Pax Slavia Latina*». Хотя, конечно же, идиллических отношений между славянскими племенами не было и в эпоху дохристианскую. А после разделения Церкви для славян оппозиция «Восток – Запад» обуславливалась отнюдь не только вероисповедными проблемами. И это с особой убедительностью показали судьбоносные для мира события новейшей, атеистической, эпохи, когда при глобальных испытаниях-искушениях славянский мир непременно оказывается втянутым не только во внешние раздоры, но и в междоусобицы, столкновения братоубийственные: таков опыт прошедших мировых войн; подобное наблюдается и при катаклизмах конца XX – начала XXI веков. Поэтому в обращение входит понятие «славянская невзаимность», наполняющееся все новым и новым содержанием. И поэтому у идеи славянского единения как никогда увеличивается число противников, а уменьшается число сторонников. При поиске же ответа на вопрос, какой вывод из этого следует, и одни, и другие всегда оказываются перед соблазном подытожить: «Зло несут они, а не мы». Основания так считать видят за собой прежде всего сторонники единства, которые правы уже потому, что разделение – это зло, а единение – благо; в принципе. Но свои резоны имеют и оппоненты их, подчиняющиеся «духу времени», ориентирующиеся на прагматизм в решении актуальных проблем и отвергающие формулы типа: «Един славянский мир, но много государств; един славянский народ, но много национальностей; един славянский язык, но много наречий; едина славянская цивилизация, но много культур».

Увы, множественность и многообразие составных частей вовсе не обеспечивает целостности, а тем более действенного единства суперэтнуса, разделенного почти тысячелетие назад и эволюционирующего именно под влиянием дезинтегративных факторов. Особенно в последнее время, когда политика подавляющего большинства стран, в которых титульными нациями являются славяне, имеет целью утверждение в идеализированной европейскости, отвергая все, что давала, дает и может дать славянская общность, а то и вообще игнорируя славянскость. Как ни парадоксально, в самих этих странах едва ли не ругательным стало понятие «славянофильство» – славянолюбие, то есть родолюбие и братолюбие. Необычайно ёмкую и яркую иллюстрацию всего этого не так давно прокручивало Евровидение: «братушка», представитель Болгарии, в Брюсселе плакал от радости, что его страна принята в НАТО и отныне "навсегда вместе" с Турцией, которая болгарский народ пять столетий угнетала, а будет противостоять России, которая от турецкого ига освободила...

Как бы то ни было, реальная перспектива единения предопределяется интересами всех составляющих славянство народов, а именно – наличием/отсутствием интересов неэгоистичных, не разновекторных. Но чего следует ожидать, глядя трезво на то, что почти все славянские государственные образования, претендуя на роль самостоятельных субъектов мировой политики, становятся лишь объектами ее?

Впрочем, если оценивать все с точки зрения выгод глобализации, то славянский мир ныне – это 14 государств, свыше 300 миллионов населения, едва ли не шестая часть территории земного шара – причем с исключительно богатыми природными ресурсами... Огромная сила, способная выжить при самых серьезных катаклизмах! Но при условии сохраняющегося единства. Реальные же перспективы игнорирующей общность славянских народов, особенно меньших, вряд ли в том, чтобы стать "позитивными творцами истории". Скорее в том, чтобы ассимилироваться, став материалом для обогащения иных культур и цивилизаций при глобальной "вестернизации", а точнее – американизации.

Но любая акция вызывает реакцию. И есть основания говорить о развивающемся международном славянском движении. Правда, насколько оно способно «умирити мир и спасти души наша», то есть продолжить дело учителей словенских, святых Кирилла и Мефодия, покажет время.

Обсуждать же то, что имеем, вряд ли можно без обобщенного – пусть схематичного, но ни в коем случае не тенденциозного по установке – взгляда на конкретно-историческое содержание идеи единства славян и ее реализации в разные времена, вплоть до нынешних. Для этого, разумеется, нужна если не основательная систематизация, то хотя бы относительно выверенная фиксация определенных этапов

формирования и существования славянской общности. На основательность и полноценную системность в рамках жанра данной публикации претендовать никак нельзя. Однако зафиксировать основные закономерности интересующих нас процессов все-таки нужно и можно, принимая во внимание хотя бы совокупности предпосылок, определявших некую этапность, сознательно идя при этом на упрощения в хронологизации, а также в учете некоторых иных признаков. И вот как все это допустимо, на наш взгляд, представить.

IX–XII века: Благодаря равноапостольным Кириллу и Мефодию, а затем их ученикам, выделяется общность – славяне как отдельный народ Божий, – с отчетливой идентификацией через свой язык, со временем признанный равносвятным, и через принятую от Византии веру христианскую.

XII – первая половина XIX веков: Складываются восточно-, южно- и западно-славянская субобщности; хотя на протяжении веков не теряет смысла категория «славянская эпическая общность», а по отношению к славянам православного вероисповедания – «общая книжность», поскольку в обиходе находился фактически один и тот же фонд богослужебных, агиографических, духовно-просветительских текстов, да кроме того осуществлялись взаимовлияния, весьма важные и для становления светской литературы; тогда церковнославянский = книжно-славянский язык практически для всей Восточной и Центральной Европы был также языком межэтнического (международного!) общения, причем более функциональным, нежели латынь; но со временем, оставаясь единым языком письменности лишь для части славян, обретает варианты/редакции, приближающие его к живым наречиям, позднее оформившимся в самостоятельные языки; конец указанного периода для большинства славянских народов означает национальное возрождение, в котором идея общности играет явно положительную роль; кстати, на протяжении веков имеют место неоднократные попытки создать новый общеславянский язык; однако чем дальше, тем все резче проявляется оппозиция «Восток – Запад», «Slavia orthodoxa – Slavia latina».

Середина XIX – середина XX веков: Активно идет процесс формирования славянских наций; осуществляется окончательная кодификация самостоятельных национальных языков и утверждение их с полными функциями во всех сферах вне Церкви; особо значимо, что происходит восстановление или учреждение государственности славянских народов, точнее – создание трех федеративных государств, основу которых составляли славяне: СССР, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия); хотя по-прежнему отношение к славянскому единству существенно корректируется отношением к «Западу» или «Востоку».

Вторая половина XX века: Все славяне оказываются в социалистическом лагере и "лагерная" общность в известном смысле имеет значение суперэтнической; при этом в обиходе закрепляются определения «югославская литература», «чехословацкая литература»; а выполнявший изначально интеграционную функцию церковнославянский язык загнан, что называется, под спуд окончательно, причем для его оживления или обновления постепенно исчезают все предпосылки; языком межславянского общения (да и, как правило, языком-посредником в осуществлении разного рода литературных контактов) становится русский; к тому же русистика обретает весьма значимый международный статус, что в большой степени влияет также на развитие славистики в целом, а значит и утверждения славян среди остальных народов мира.

Конец XX – начало XXI веков: "Лагерь" полностью развален; церковнославянский язык удерживается только в функции сакральной, имеющей, собственно, значение всего лишь для части от части славянства, то есть для сохранивших веру православных, и даже у них, несмотря на последователее возрождение Церкви, оказывается под нажимом секуляризованного общественного сознания, которое практически игнорирует "устаревшую церковнославянщину"; однако и русский язык в роли средства межнационального (в том числе и межславянского) общения упорно игнорируется; историческое содержание идеи славянского единства подвергается основательной ревизии, да и вообще родство славян начинает отрицаться – пусть, мол, каждый славянский народ своим ходом, при отдельности и самодостаточности, направляется в очередной рай на земле.

Всем хочется в рай, да... как известно, грехи не пускают.

Но мы не об этом, а о своем, литературном да филологическом: совершенно привычным и даже незаменимым, вроде бы, стал для нас термин «мировая литература», несмотря на расплывчатость его в аспекте обозначения общности, тогда как даже определение «славянские литературы», некую общность в прошлом все-таки обозначавшее, воспринимается не более чем историзм. Стоит, между прочим, обратить внимание на такую лингвистическую особенность: первый из этих терминов употребляется в единственном числе, а второй – во множественном.

Принимая во внимание весь комплекс условий, которыми так или иначе предопределялось развитие культур славянских народов при социализме, нельзя не отметить, что в этот период славяне имели представление друг о друге пусть и не полное, и не всегда адекватное, однако все же более основательное, нежели о народах иных. То же самое можно сказать и о литературных взаимосвязях, реальных взаимодействиях. Объективности ради мы, естественно, не должны забывать, что связи эти,

как правило, осуществлялись в соответствии с директивами сверху, подчиняясь "лагерным" установкам, что разрешительным критерием включения того или иного писателя в действующую систему контактов была его лояльность к идеям марксизма-ленинизма, что предлагавшиеся для перевода произведения подвергались идеологической цензуре и т.д. Тем не менее. При этом практически все славянские литературы были действительно включены во вполне масштабный контекст так называемого социалистического содружества, утверждаясь не только в нем, но и за его пределами. И осуществлялось это прежде всего благодаря переводам на русский язык, которые выполняли роль посредников, весьма способствуя распространению и признанию, поскольку такого рода русскоязычные издания выходили, как правило, в сериях, которые имели внушительные тиражи и вполне приличное полиграфическое оформление, а расходились по широко разветвленным и в границах СССР, и за его пределами сетям книготорга, межбиблиотечного обмена. Помимо прочего, кстати, и гонорарное обеспечение как авторов, так и переводчиков, было тогда не слабым. Чтобы не быть голословными, вспомним конкретные факты: в 1970–80-е годы московское издательство «Прогресс», позднее именовавшееся «Радугой», в серии «Мастера современной прозы», реестр которой включает не один десяток имен писателей-славян, выпускало книги тиражами 100 тысяч экземпляров; его же «Библиотека литературы БНР», «Библиотека литературы ПНР», «Библиотека литературы СФРЮ», «Библиотека литературы ЧССР» имела тиражи по 25 тысяч экземпляров для поэзии, 50 тысяч – для прозы; названные издания можно было найти в книжных магазинах и библиотеках не только всего Советского Союза, но также многих других стран; плюс к тому еще одно обстоятельство, о котором неловко упоминать, но без которого картина останется неполной – то, что и живым авторам, и переводчикам выплачивался гонорар за печатный лист не меньший, чем месячная зарплата учителя, врача, инженера. И это касается не только названного, отдельно взятого, издательства, да и не только ограниченного круга писателей. Разумеется, хватало поводов к происходившему относиться критически и по многим поводам сетовать.

Но что мы имеем после того, как упомянутая система действовать перестала? Избегая обобщений, укажем хотя бы на резкое ослабление двусторонних белорусско-русских литературных связей, а для белорусской литературы, как результат, и весьма заметное ограничение выхода во внешний мир. Не секрет, кстати, что в советскую эпоху произведения писателей-белорусов за рубежом часто переводились с русскоязычных «межоригиналов». И вот они исчезли. А ведь переводчиков непосредственно с «первооригиналов» и соответствующего профиля критиков-пропагандистов за рубежом и до сих пор было крайне мало, и в обозримом будущем больше не станет из-за отсутствия существенных стимулов – престижа такой специализации (даже по сравнению, скажем, с русистами или полонистами), гарантий стабильной занятости, финансовой поддержки этого рода занятий со стороны государства как своего, так и представляемого... Для иллюстрации сказанного приведем данные, не нуждающиеся в комментариях: на протяжении 1970–80-х годов в России издавалось ежегодно около 40–50 книг белорусских авторов, а за все последнее десятилетие XX века – только 4, к тому же скудными тиражами. Одновременно практически к нулю сведены издания переводов с белорусского языка в странах Закавказья, Средней Азии, да и в соседних Литве, Латвии, Польше. И на Украине за десять лет вышло всего 3 книги. Причем если кое-что в этом плане еще делается, то это, подчеркнем, по инерции прежней системы. Объясняется такое положение дел стереотипно: в действие вступили законы рынка – жесткие, однако в целом справедливые, а все остальное, мол, следует отбросить как обусловленное сантиментами. Не обсуждая, насколько это объяснение-оправдание разумно в принципе, заметим, что даже исходные условия, предполагающиеся нормальным рынком по определению, в постсоциалистических странах (особенно – в меньших славянских) не являются действенными для цепи отношений «писатель – издатель – книготорговец – читатель». В силу известных причин ситуация наша такова, что писательским ремеслом зарабатывать на жизнь практически невозможно – и причины этого вовсе не в масштабе таланта, не в уровне творческих задач, не в успешности их реализации. Тиражами, которые могут быть востребованы лишь индивидуальным подписчиком и покупателем, у нас издавать художественную, просветительскую, а тем более научную литературу нерентабельно, поскольку даже себестоимость выпуска книги диктует цены, недоступные либо малодоступные для большинства граждан, госбюджетных библиотек и иных структур. Короче говоря, читающие у нас не имеют денег, а располагающие деньгами – не имеют ни желания, ни потребности читать. Конечно, если не на объективную востребованность, то на временный интерес к конкретному изданию можно влиять. Что, собственно, и делается. Но каким образом? Во-первых, литература и литераторы оказываются задействованными в актуальной политике ничуть не менее, чем в социалистическую эпоху, только поощряется активность противоположной направленности – якобы для разоблачения, обличения тоталитаризма, хотя совершенно прав профессор Андрей Червеняк (Словакия), когда отмечает, что «понятие «посттоталитарный» – это политический плеоназм» [19, S. 31]. Во-вторых, целенаправленно и упорно отвергаются духовно-нравственные идеалы, которые сформированы всей предшествующей историей наших народов и христианской цивилизацией, а литература начинает служить не чему иному, как «раскрепощению», то есть культивированию вседозволенности – привлекательной, особенно

для молодежи, поскольку снимает все табу. И, в-третьих, чем дальше, тем больше размывается традиционная шкала ценностей эстетических прежде всего вследствие навязывания «постмодернизма» как самой универсальной ценности и высшего ориентира. Безо всяких эвфемизмов, четко и емко определяет суть этого сербский философ и публицист П. Драгич-Киюк: «Эпидемия интеллектуальных заблуждений цивилизационного деспотизма и является причиной постоянных занятий пермутациями и переименованиями зла. А в этом плюрализме хаоса особое внимание уделяется литературе. Через понятие «деструктивной литературы», а точнее – литературы, которая занимается злом как таковым, делаются попытки утвердить жанровую особенность и указать на потребность во зле. Интеллектуальная надстройка цивилизационного деспотизма это литературное явление объясняет потребностью литературного субъекта в разрушении – потому что, якобы, не может быть процесса созидания без предшествующего процесса разрушения» [20, с. 58].

При обобщенном взгляде, конечно же, всегда существует опасность представить картину реальности в тонах либо излишне темных, либо чрезмерно светлых. Будем избегать крайностей, особенно сознательных искажений. Однако не меньшая опасность – в упор не замечать явно негативных тенденций, да и вообще коллизий, с которыми довелось столкнуться. И потому нельзя пройти мимо еще некоторых моментов, обусловленных включением в «новый европейский контекст». Так, обращает на себя внимание то, что в публицистике постсоциалистических стран особо распространенными становятся характеристики типа «литература европейского склада», «писатель европейских взглядов»... И служат они, увы, не для утверждения более высокого идейно-эстетического уровня, а для фиксации и стимулирования «прогрессивности» как специфической адаптивности в новых геополитических условиях. Рискуя быть обвиненным в излишней подозрительности да мнительности, все же уточню: так или иначе, а это способствует увеличению числа писателей, ради соответствующего «имиджа» оправдывающих, скажем, агрессию НАТО против Югославии. В связи с этим возникает вопрос, почему особо выделяются именно писатели? А хотя бы потому, что за писателями в славянских странах как-никак все еще сохраняются роли, позволяющие влиять на общественное сознание – в том числе и на отношение к войнам в Афганистане, Югославии, Ираке и т.д.

Еще ладно, если бы все отмеченное ограничивалось сферой публицистики как таковой. Но ведь подобное проявляется и в литературной критике, которая, оказываясь в жесткой зависимости от глобальной информационной сети, перестает быть «самосознанием литературы». И в литературоведении наблюдается сдвиг от академизма, да и беспристрастности вообще, к политически заданной тенденциозности.

Взять, скажем, явную чужеemodelность концепций истории культуры и искусства, а также литературы белорусского народа: почему-то выискивается, как обязательное, соответствие будто бы общеевропейским "стилевым формациям" – начиная с античности и вплоть до постмодернизма... И уже вполне расхожими стали, например, определения ряда явлений отечественной культуры как ренессансных в общепринятом понимании, хотя в таком случае логически предполагается, будто наши предки возрождали то, что не было (и не могло быть) рождено в своей традиции, на собственной почве, которая плодородной и благодатной являлась для совершенно иного.

Что представляют собой подобные «исследования», как не простоватое стремление свидетельствовать причастность к «универсальным европейским ценностям»? Хотя и давно закреплена европоцентризм в общей систематизации культур мира, но правомерность и обоснованность его в принципе, а тем более для нас, следовало бы осмыслить со всей серьезностью. Ведь, по большому счету, вообще бесмысленно искать определенный центр условно единой общеевропейской культуры, ибо нужно учитывать сосуществование в Европе Греции и Швеции, традиционно испанского и эстонского, итальянского и албанского с их коренными отличиями. Ну а сокровищница мировой культуры создавалась, разумеется, не одними только европейцами. Очевидную ограниченность имеет также сопоставление культур по критериям «передовая – отсталая, более развитая – менее развитая, ведущая – ведомая...» и на этой основе сложившаяся теория «ускоренного развития». В любом случае приходится недоумевать: кто, когда и как может определять темп «норму», в отношении которой происходит ускорение или замедление? Чтобы избежать вредной отвлеченности, достаточно попросить конкретных литераторов и литературоведов, чтобы приложили к себе эти определения и признали, что они отсталые, недоразвитые, ведомые, к тому же принудительно ускорившиеся или замедлявшиеся... Реакцию предсказать нетрудно.

В связи с этим воспринимается так, будто оно сегодня высказано, суждение выдающегося русско-сербского слависта Ф. Тарановского по поводу типологически сходных тенденций 1930-х годов: «Вместо добровольного ограничения себя западно-европейской цивилизацией, будто бы единственно подлинной и ценной, надо чтобы пришло объективное и более широкое изучение вместе взятой европейской цивилизации и культуры во всех ее вариантах, к которым относится также цивилизация и культура отдельно взятых славянских народов, а из этого может сложиться и общая картина всего славянства, как разделенного единства (общности), чрезвычайно интересной и поучительной из-за непростоты, перекрещенности ее составных элементов» [21, кн. 336, св. 3, с. 187].

Исподволь меняется культурное самосознание в целом. Прежде всего как система контактологических и типологических ориентаций, что совершенно очевидно проявляется уже и в сфере просвещения, образования. Если взять, скажем, нынешние российские программы по курсу литературы для средней школы, то обнаруживается, что даже в общих панорамных обзорах не нашлось места писателям-белорусам, равно как и представителям других родственных народов. Опять-таки налицо тенденция утверждаться в отвлеченной идеализированной европейскости, игнорируя славянскую общность да и славянскость тоже.

Вследствие этого – хотя причинно-следственные связи здесь неоднозначны, – симптоматично, что даже в самих славянских странах славистика перестала относиться к приоритетным отраслям науки, а соответственно и к престижным сферам деятельности.

Собственно, это коллизии не только нашего времени. Правда, сейчас они имеют некоторую специфическую актуализацию и потому дают больше пищи для размышлений. Прежде всего о том, что мощный продолжительный шум по поводу «железного занавеса» сильно оглушил нас, и мы перестали адекватно реагировать на другие шумовые эффекты, равно как и на устанавливаемые сейчас иные «занавесы», утратили способность различать реальное и иллюзорное, бытийно важное и никчемное. От такого впечатления трудно избавиться в связи с явно надуманной альтернативой: дескать, либо губительная замкнутость – либо живительная открытость. Все обстоит, мягко говоря, несколько иначе. В наше время уже никакой внутренней консерватизм не способен изолировать развитие той или иной культуры от внешних влияний, а тем более «законсервировать» ее. И вряд ли кто-то на здоровую голову всерьез может подобное замышлять, а тем более браться осуществлять. Иное дело, что отношение к открытости следует изначально выверять здоровой опять-таки головой, не пренебрегая осмотрительностью: открываться для импульсов, творчески ценных, здоровых, созидательных, или заведомо вредных, аномальных, разрушительных? А предлагаемая нам открытость почему-то подразумевает безответственность, к тому же неременную подчиненность – мы предстаем в роли объекта, а не субъекта процесса интеграции, цели и задачи которой тоже определяются в общем-то без нашего участия. Что ж, мы сами виноваты. Как известно, у всех народов постсоветских стран так или иначе проявлялся комплекс неполноценности. Но если у прибалтов, скажем, он в значительной степени был вызван внушением – дескать, Сталин отторг вас от Европы, а она с нетерпением ждет, когда же вернетесь, – то у славян обусловлен скорее самовнушением. И это наше состояние четко обрисовал известный словацкий писатель Ян Тужинский: «Демонстрируя разьединенность, не гнушаясь взаимным клеветничеством, мы рвемся в союз с абсолютно неясной программой, словно страшась опоздать, хотя знать не знаем (и такое чувство, что никто в Европейском Союзе этого не знает), куда примчит нас этот разогнавшийся поезд» [22, с. 119]. Но ведь белорусы, к примеру, считают себя европейцами, а тем более равными среди равных, как бы не смеют; им якобы лишь предоставляется возможностью европейцами стать – при условии, что те, от кого все зависит, не откажутся от этого намерения, а белорусы будут беспрекословно покоряться их воле.

Для всех ли приемлем такой вариант "прогресса"? На этот вопрос даются разные ответы. Но вектор поиска разумного решения, пожалуй, вот каков: уважая особенности, свойственные каждому народу Божьему, ценя богатство разнообразия европейских культур и при этом отвергая изоляционизм в принципе, стремиться к тому, чтобы славянские литературы – и каждая сама по себе, и в сохраняемой общности – основывали свое дальнейшее развитие на тесных и стимулятивных взаимодействиях с литературами всего мира, и Европы, всей, в первую очередь.

А вот тут-то и находится камень преткновения, он же пробный камень. Ведь мы должны со всей серьезностью оценить реальное состояние и перспективы конвергентного или дивергентного развития культур славянских по отношению к западноевропейским. Кстати, весьма основательно и проницательно этот вопрос разбирал более десяти лет назад известный сербский славист Миодраг Сибинович (См.: [26])¹. Обратим внимание на факторы, которые он считает, вполне обоснованно, способствующими конвергенции:

– Традиционное стремление сравниваться с западноевропейцами, особенно начиная с эпохи Просветительства.

– Отказ от марксистско-коммунистической доктрины, что как бы само по себе отождествляется с выходом на пути общественного развития народов Западной Европы.

– То, что в рамках славянского культурного ареала имеются культуры, которые, через католицизм и протестантизм, уже много веков были передатчиками интенсивных влияний культуры западноевропейской, прежде всего романской и германской, а в новейшее время и англосаксонской.

– Благоприятствующими конвергенции являются также результаты большой и разноплановой активности славянской эмиграции, выдающиеся представители которой способствовали признанию

¹ То же по-белорусски, в нашем переводе: – [27, с. 10].

славянских духовных ценностей в Западной Европе и в то же время актуализировали для славянских народов опыт европейской духовной жизни.

– Миграционные процессы последнего времени заметно меняют структуру общества западноевропейских стран, прежде мононациональных и мономодельных с точки зрения цивилизационно-культурного развития, предполагая если не синтез, то определенный конгломерат.

Очевидно, между тем, что события последнего времени усилили и обострили предпосылки дивергентного развития, которые профессор Сибинович тоже учитывает. А именно:

– Нестыкуемость основных тенденций: Европа декларирует интеграцию и политическую, и экономическую, и оборонную, и культурную, а при этом существовавшие интеграционные структуры (такие, как СЭВ, Варшавский договор, и государства СССР, СФРЮ, ЧССР) ликвидированы – то есть наблюдается процесс противоположного характера.

– Налицо отчетливая тенденция возврата к религии, что не согласуется с устремлениями секуляризованных стран Запада.

– В связи с этим вполне вероятно возобновление конфронтаций (христианство – мусульманство, а также и внутри христианства: католицизм – православие).

– У славян значительно более, нежели у народов ведущих европейских стран, жива и действенна еще фольклорная традиция. (Уместно, думается, добавить также, что культуры славян в целом менее подвержены влиянию урбанизации).

Обобщения здесь, опять-таки, рискованны. А потому с максимально возможной конкретностью рассмотрим, насколько значимы и действенны упомянутые факторы, якобы способствующие интеграции/конвергенции с Европой, по отношению к белорусам.

Показатели уровня жизни западноевропейских стран белорусы, конечно же, учитывают и сравнивают с тем, что имеют сами, особенно в последнее время. Но это вовсе не означает равнения на Запад. Более того, ориентация на западные модели развития не свойственна ни актуальной политике нашего государства, ни общественному сознанию, ни определяющим тенденциям в культуре, литературе, искусстве.

– Хотя марксизм-ленинизм как тотально довлеющая доктрина отвергнут, окончательно рассчитаться с идеологией предшествующей политической эпохи белорусам пока не удалось. И, судя по всему, удастся не скоро. Но от этого, на наш взгляд, процессы интеграции с Западной Европой, особенно в области культуры, зависят не столь значительно – ведь прежние идеологические и политические расхождения были более существенными.

– Белорусы на протяжении ряда веков выступали в функции передатчиков влияний культуры западноевропейской, но, что показательно, сами передаваемую «европейскость» осваивали избирательно, со значительной трансформацией первичных свойств, когда то или иное явление фактически переставало восприниматься как заимствованное. Весьма показательно это иллюстрируется памятниками переводной белорусской литературы XV–XVI веков – к примеру, «Повестью о Трышчане». Но и более поздними фактами тоже.

– Белорусская эмиграция не имела и не имеет личностей масштаба Адама Мицкевича и Адама Чарторийского, Николы Теслы и свт. Николая Велимировича, Александра Солженицына и им подобных. Соответственно, даже у наиболее известных ее представителей нет каких-то особых заслуг в утверждении белорусской культуры на международном уровне, равно как и в актуализации опыта европейской духовной жизни для соотечественников на родине.

– Белорусская диаспора влиятельной, а тем более влияющей на этно-культурно-конфессиональную структуру ни одной из стран проживания не стала. И ждать этого от эмигрантов новой волны тоже не приходится.

Кстати, значительной части белорусской эмиграции свойственна ориентация общеславянская, которая, правда, не декларировалась широко. Весьма интересно сравнить это с проявлениями у русской эмиграции, которая, к примеру, только в одной Югославии за межвоенный период осуществила весьма внушительное число соответствующего рода изданий (См.: [28 – 33]). Симптоматично, между тем, что в ряду учредителей и авторов названных изданий немало лиц белорусского происхождения.

Общее представление о ситуации не может быть полным и объективным без учета того, что, увы, для западноевропейцев белорусы, как и другие меньшие славянские народы, остаются либо вовсе неразличимыми, либо неверно определяемыми. И особого удивления не вызывает, когда в зарубежной печати обнаруживаешь выражения типа «белорусский генерал Корнилов», означающее, что это генерал русский и белогвардейский, или когда в разговоре с гражданином ФРГ скажешь, что ты из Беларуси, и услышишь: «О, Ташкент!..». Что греха таить, и мы, белорусы, ведь тоже далеко не всегда сербских писателей отличаем от хорватских, словацких от словенских или чешских.

Нас утешают: дескать, мы в общеевропейском доме сблизимся и намного лучше узнаем друг друга. Но чем обоснованы такие посулы? Нынешняя ситуация, как отмечалось, вовсе не располагает к розовым надеждам. Особенно, если принять во внимание, скажем, еще вот какого рода обстоятельства: лите-

ратор-белорус, решивший отправиться поездом на международную встречу писателей или переводчиков в Белград, должен был оплатить венгерскую транзитную (!) визу стоимостью около 80 долларов США, что почти равнялось его среднемесячному заработку, да и эту визу получить он мог либо в Варшаве, либо в Москве, удаленных от Минска на 600 и 700 километров.

Такова реальность европейской интеграции в плане геополитическом, от которого напрямую зависят все иные планы. Если же вернуться непосредственно к культуре, то нельзя не учитывать, что наблюдаемые ныне процессы запрограммированы на ее нивелирование, влекущее за собою очередной этап космополитизации, результатом которого вполне может быть разрушение как раз всего того, что пока еще подпитывает этно-духовно-культурное самосознание славянских народов. Нельзя оставлять без внимания довольно часто уже встречающиеся и у белорусских авторов (само)определения: «Мы принадлежим к региону восточноевропейскому...». Если апеллировать к трезвому уму, следовало бы указать на примитивную нарочитость и бессмысленность такого определения. Но трезвый ум в данном случае отключается вследствие ослепления идеей интеграции Европы, а вместо него начинает действовать своеобразная «вторичная сигнальная система», которая зависит от политической конъюнктуры. Этим непосредственно объясняется и распространение специфических теорий этногенеза славянских народов как неславянских – готской, вендской/венедской, иллирской (как романской), скифской (как иранской), сарматской и др.

Если объективно оценивать все проявления «перестроечных» процессов в СССР, Европе и мире, то следует отметить, что они создали предпосылки актуализации идеи общности славян, и даже создания Лиги славянских народов. Не случайно вызван к жизни Международный Славянский Комитет с национальными подразделениями, начали регулярно проводиться Всеславянские съезды, действовать Фонды славянской письменности и культуры в ряде стран, учреждена Международная Славянская Академия, сделаны попытки создать Славянский Межпарламентский Союз, Международную Ассоциацию славянских вузов, а также Союз славянских писателей. Показательно, что славянскость наиболее выразительно декларируется и активно утверждается в условиях конфронтаций, связанных с национально-государственной идентификацией – скажем, в Республике Молдова, где, кроме филиалов упомянутых выше структур, имеются Славянский университет, Международная Славянская академия образования им. Я. Коменского (Тирасполь), созывался Славянский педагогический собор и т.д. Славистический университет имеется также в Киеве. Идея славянской общности и взаимности стала также определяющей в программах ряда партий, общественных движений – например, Всеславянский Собор, Славянский союз России, фонд "Славянское единство" в России, Славянский Собор "Белая Русь", Союз славянских партий и Славянский народно-патриотический Союз в Украине [23]. Правда, нельзя не заметить, что статус международных организаций этого рода на соответствующем уровне оставляет желать большего, а партии не находят поддержки, на которую рассчитывали. Дает о себе знать пугало «панславизма» на фоне дистанцирования большинства социальных слоев от политики. Как вещь в себе, политику нам тоже удобнее было бы стороной обойти. Тем более что расположение сил, представляющих политику и культуру, укладывается в давно закрепившуюся схему, для нас вполне оправдательную: в политических делах задействованы материалисты, прагматики, а культура держится на идеалистах, романтиках. Да дело в том, что такая схема фактически уже обесмыслена – упомянутые силы оказываются в специфической сочетаемости, зависящей именно от нынешних условий.

Политики, особенно лидеры, славянских стран, так или иначе вынуждены действовать с учетом «генеральной линии» глобализационных процессов, рассчитывая на признание, а тем более на поддержку со стороны так называемого мирового сообщества лишь в том случае, если глобализацию полностью принимают, хотя от них, как правило, ничего или почти ничего не зависит. Представители же интеллектуально-культурной сферы, особенно писатели, имеют все-таки больше возможностей сохранять независимость позиций и честно освещать происходящее, таким образом влияя на отношение к нему общества своей страны и международной общественности. Между тем, как ни странно, интеллигенция отказывается от имеющихся возможностей влиять, чаще всего даже не проявляя своих позиций. Такая индифферентность обусловлена не только результатами «промывки мозгов» (дескать, «европейский выбор» для нас оправдан как самоценный), не только скепсисом (все же, мол, идея единства славян – романтическая по своей природе), но также и реальным негативным опытом, в результате которого здравый смысл выводит на вопрос, для кого с кем и каким образом нынче может осуществляться единение. А какой еще, собственно, может быть реакция тех, кого вдруг, без подготовки, вовлекают в игры с «геополитической виртуальностью»? Но тем приятнее констатировать, что в среде белорусских писателей родилась идея Международного Форума «Послы славянства» и в Минске 4 сентября 2000 года он был создан [6]. К сожалению, у нас его деятельность мало результативна. Хотя очень отраднo, что сама идея не забыта и в Минске трижды проведен «круглый стол» славянских писателей. А вот словацкие коллеги проводят весьма серьезные конференции, на основе материалов которых выпускают содержательные сборники (Например: [34 – 38]).

Дела большой политики, конечно, идут своим чередом. Но часть славянской интеллигенции все-таки выражает стремление преодолеть опаснейший синдром безответственности по отношению к прошлому, будущему, а главное – настоящему. Более того, сделаны серьезные попытки осмыслить соотношение национального, общеславянского, европейского и мирового, проявлена готовность и способность разобраться, что мы имеем и чего следует ожидать, что утрачиваем – определенно и что надеемся обрести – неопределенно... Главное – пробуждать память и самосознание, побуждать избавляться от навязанного комплекса неполноценности. И есть основания считать такую задачу не только выполнимой, но и в меру возможностей выполняемой. Что же касается вклада в это дело конкретно писателей славянских стран, то его столь же однозначно оценить пока нельзя. Что поделывать, если по всему горизонту сплошь измудрствованные лукаво и вырисованные привлекательно альтернативы, тогда как мы перед выбором вполне простым: служить Слову-Спасителю или Искусителю, трудиться во славу Творца или во имя тельца, идола нового мирового порядка.

Да, не вчера такой выбор нам предложен и не завтра он исчезнет. А сегодня мы, увы, констатируем, что в лето 7606 (2004 от Р.Х), новый летописец (знатный и незнатный) не может записать так, как автор «Повести временных лет» восемь веков назад: *«В лето 6406(894). Был единым народ славянский: словене, сидевшие по Дунаю, которых покорили угры, и моравы, и чехи, и ляхи, и поляне, которые ныне называются Русью...»*.

И задаем себе вопросы:

Неужели в будущем никто не озаботится потребностью создания общеславянского языка, как некогда Кирилл и Мефодий, позднее – серб-католик Крижанич, хорваты Вебер-Ткалчевич и Курелац, словенец Маяр Зилски, словак Херкел, чех Юнгман и другие?

И не будет больше певцов «Дочери Славы», страны «Славии», «Всеславии», между прочим, неоднократно воспевавшейся – например, в произведениях М. Орбини, Я. Колара, С.С. Краньчевича, П. Деметера, Л. Штура?

Похоже, нечего ждать, что появятся преемники у моего земляка Петра Кречевского, переводившего на белорусский язык словацкий и чешский гимны, а также слагавшего гимны общеславянские?

Значит, у наших потомков не возникнет желания написать такую удивительную книгу, как «Вечные славянских баллад» Янки Сипакова?

На эти вопросы у большинства из нас, пожалуй, нет ответа. А Тот, у Кого ответ есть, хранит молчание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чарота, І.А. Ідэя агульнасці славян і Беларушчына / І.А. Чарота // Беларуская думка. – 1998. – №3. – С. 117 – 125.
2. Чарота, І.А. Ідэя агульнасці славян і Беларушчына / І.А. Чарота // Беларуская думка. – 1998. – № 4. – С. 53 – 60.
3. Чарота, І.А. Асаблівасці вызначэння нацыянальнага і шырэйшых кантэкстаў у літаратурнай свядомасці Беларусі 1990-х гадоў / І.А. Чарота // Славянскія літаратуры ў сусветным кантэксце. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай». – Ч. 2. – Мн.: БДУ, 1999. – С. 13 – 16.
4. Чарота, І.А. Славянскасць як складнік самасвядомасці беларуса (спроба агляду на літаратурным матэрыяле / І.А. Чарота // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай / Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Бел. дзярж. універсітэта (Мінск, 16–18 кастрычніка 2001 г.). У 3 частках. – Ч. 1. – Мн: БДУ, 2001. – С. 178 – 183.
5. Чарота, І.А. Ідея единства славян: Историческое содержание и коллизийность / И.А. Чарота // Святая Русь. 2000. – № 3. – С. 12 – 19.
6. Чарота, І.А. Единство славян: белорусский взгляд / И.А. Чарота // Всемирная литература. 2001. – № 1. – С. 77 – 89.
7. Чарота, І.А. Об Отечестве, Европе и глобализации. Рефлексии беларуса / И.А. Чарота // Всемирная литература. 2002. – № 11/12. – С. 151 – 166.
8. Чарота, І.А. Сутнасць праблемы нацыянальнага самавызначэння для сучасных славянскіх літаратур / І.А. Чарота // Куляшоўскія чытанні. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Творчасць А. Куляшова і адукацыйна-асветніцкія праблемы сучаснасці», 6–7 лютага 2002 г. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2002. С. 5 – 9.
9. Чарота, І.А. О национальном, государственном и святом / И.А. Чарота // Новая книга России. 2001. – № 5. – С. 2 – 6.
10. Чарота, І.А. О Европе, Белорусии и Србији // Књижевне новине / И.А. Чарота. 2001, 1–15 јул. – Бр. 1037. – С. 14 – 15.

11. Čarota, I.A. O vlasti, Európe a globalizácii (Reflexie Bielorusa) / I.A. Čarota; preložila Dagmar Kovářová // Vichor globalizácie. – Bratislava: Jamex, 2002. – S. 5 – 26.
12. Čarota, I.A. Povaha a obrazotvornost' Bielorusov (Nektoré zvláštnosti) / I.A. Čarota; študiu z ruštiny preložila Olga Duhanová, cast z bieloruštiny Natália Kysel'ová, zo srbčiny Ján Jankovič // Labyrynt sveta a Slovakia (Slovensko – Evropa – svet). – Bratislava: CCW, 2003. – S. 21 – 45.
13. Чарота, И.А. Славянская литературная общность: история и перспективы / И.А. Чарота // Славянскія літаратуры ў сусветным кантэксте / Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай» (Мінск, 8–10 кастрычніка 2003 г.). У 2 частках. – Ч. 2: Тыпалогія. Кантакталогія. Тэорыя літаратуры і культуры. – Мн: БДУ, 2003. – С. 230 – 235.
14. Чарота, И.А. Славянская литературная общность – прошлое без будущего? / И.А. Чарота // Неман. – 2004. – № 11. – С. 115 – 123.
15. Čarota, I.A. Slovanská literárna vzájomnosť – minulosť bez budúcnosti? / I.A. Čarota; preložila doc. PhDr Natália Kysel'ová, Csc // Evrópska únia – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: CCW, 2004. S. 5 – 21.
16. Чарота, И.А. Славянство: пути и перепутья / И.А. Чарота // Всемирная литература. – 2005. – № 5. – С. 182 – 184.
17. Čarota, I.A. K otázke literárnych vzájomných vzťahov malých slovanských národov (Bielorusov a Slovákov – ako príklad) v podmienkach globalizačnej multikultúrnosti / I.A. Čarota; preložila doc. PhDr Natália Kysel'ová, Csc // Multikulturalismus – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). – Bratislava: CCW, 2006. – S. 5 – 15.
18. Джукич, С. О незабываемом. Раздумья / С.О. Джукич. – Мн.: Тонпик, 2006.
19. Červeňák, A. Kultúra v období integrácie a globalizácie / A. Červeňák // Vichor globalizácie. – Bratislava: Jamex, 2002.
20. Драгић, Кијук. Предраг, Р. Уметност и зло. – Рума: Српска књига, 2005.
21. Тарановски, Т. Исток и Запад у историји Словена / Т. Трановски // Летопис Матице Српске. – 1933.
22. Тужинский, Я. Третье тысячелетие – призыв к славянской взаимности! / Я. Тужински // Всемирная литература. – № 1. – 2001.
23. Ременюк, А.И. Новый славянский порядок / А.И. Ременюк // Новий слов'янський порядок. – Київ, 2003.
24. «Літаратура і мастацтва», 17.05.1996.
25. Маракoў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794–1991. Энцыклапедычны даведнік: У 3 т. / Л. Маракoў. – Т. 1. – Мн.: АТЕНАЕUM, 2004.
26. Сибиновић, М. Конвергентан или дивергентан развој словенских култура са европском на прагу XX века / М. Сибиновић // Словенски импулси у српској књижевности и култури. Београд. – 1995. – С. 9 – 13.
27. Сібінавіч, М. Канвергентнае ці дывергентнае развіццё культур славянскіх адносна заходнееўрапейскіх // Культура. – 28.12.1994. – № 52.
28. Всеславянский кличъ. – Белград, 1938.
29. Заря. Вестник русской национальной мысли и славянской взаимности. – Целее, 1922.
30. Сербско-хорватско-словенско-русское единение. – Будва, 1921.
31. Славянская жизнь. – Белград, 1920.
32. Словен. – Белград, 1927.
33. Слово. Орган всеславянской мысли. – Белград, 1934–1936.
34. Vichor globalizácie (Slovensko – Evropa – svet). – Bratislava: Jamex, 2002.
35. Labyrynt sveta a Slovakia (Slovensko – Evropa – svet). – Bratislava: CCW, 2003.
36. Evrópska únia – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). – Bratislava: CCW, 2004.
37. Bytie a čas (kultúry) (Slovensko – Evropa – svet). – Bratislava: CCW, 2005.
38. Multikulturalismus – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). – Bratislava: CCW, 2006.